

ПОСТЕСА

Несмотря на то, что мать Мария Скобцова была одной из наиболее примечательных фигур в истории Русской Церкви во Франции, переводы ее сочинений на французский печатались всего один раз, в 60-е годы, в православном журнале «Контакты».

И вот наконец первая книга, вышедшая по-французски. Переводы осуществлялись с текстов из двухтомного собрания сочинений матери Марии, вышедшего в издательстве «ИМКА-Пресс» в 1992 году. Рисунки воспроизведены с авторского экземпляра ее «Стихов» (Берлин, «Петрополис», 1937), разрисованного ею же. Этот экземпляр был переиздан недавно репринтным способом в московском издательстве «МИК» (см. «РМ» №4037).

Однако «Таинство братства» включает не только переводы. Книга является еще и новым этапом в осмыслении личности матери Марии, тех уроков, которые она давала своей жизнью. Об этом в книге говорят трое: писатель, биограф и монахиня.

«Таинство братства» открывается предисловием Оливье Клемана. Конечно, никто в наше время, боясь прослыть нецивилизованным, не станет оспаривать значительности сделанного матерью Марией. И все же нередко суждение о ней строится по принципу: «Да, но...» Важно проговорить вслух эти «но».

Достоинство слов Клемана заключается в точном описании проблемы: «Для многих жизнь матери Марии была лишь долгим скандалом. Эта бывшая социалистка-революционерка, дважды замужняя, ставшая христианкой, в глубине же души никогда не переставшая ею быть, осталась левой интеллигенткой, анархисткой вплоть до своего внешнего вида. Ее революционное чувство, ее дружба с евреями шокировали не только правую эмиграцию, но и немало молодых православных, испытывавших ностальгию по всепроникающему, органичному и священному закону».

Кажется, здесь можно было бы остановиться. Писатель, однако, продолжает: «Эта монахиня, которая отрицала в жизни посредственный эрзац семейной жизни, вызывала раздражение у тех, кто был погружен в одинокую созерцательность и *opus dei*, ибо для нее речь шла о полном отказе от комфорта — будь он литургическим убаюкиванием или монастырским покоем, — чтобы жить до предела, до смерти, до великого риска бедности, до великого открытия любви. Чтобы полностью войти в божественное "опустошение", уничтожение Бога, ставшего человеком в безумии любви».

О безумии в книге вообще часто заходит речь. Например, когда Елена Аржаковская-Клепинина рассказывает о посещениях матерью Марией сумасшедших домов, куда попадали русские эмигранты.

Помощь, на которую они могли там рассчитывать, была весьма ограничена уже хотя бы потому, что работа с психическим больным — опять же в цивилизованной стране — подразумевает частое словесное общение. Но какое могло быть словесное общение между местными врачами и едва говорившим по-французски солдатом Белой армии, а ныне кло-

Mère Marie Skobtsov. Le sacrement du frère. Pully, «Le Sel de la Terre», 1995.

Русская мысль. - Париж. - 1995. - 26 окт. - с.13.

Таинство братства

Мать Мария: уроки личности и судьбы

шаром? И вот тут-то и звучит: «Это не сумасшедший, — скажет ей один из них. — Это жизнь сошла с ума». (Это, наверное, самые точные слова, которые мне до сих пор приходилось слышать об эмигрантской жизни.)

Если смерть для христианина попирается смертью, то безумие этого мира может быть попрано тоже только безумием.

Присмотреть помещение для приюта на сотню человек, не

Елизавета Скобцова с детьми. Слева Гаяна (позади) и Юрий, на руках у матери сидит младшая — Анастасия. Париж, ок. 1924—25 гг.

Надпись на фотографии рукой Юрия Скобцова: На снимке. Бабушка, мама и я с собакой Мис. Мы сняты напротив нашего дома в Кабризе. Рукой Софьи Пилленко: Лето 1931 года. Мать Мария, я и внук. Cabris Près Grasse (A[lpes] M[aritimes]).

Русская школа при общежитии на ул Лурмель, дом 77. Ок. 1937—38 гг.

имея ни гроша в кармане, и — снести его. Выносить в мусорных баках детей со стадиона, на котором были собраны для депортации еврей.

Книгу завершает послесловие матери Софии, православной монахини из Лозанны. Вдохновляясь примером матери Марии, так много говорившей о «монашестве в миру», лозаннская монахиня ищет новые пути женского христианского служения. Впрочем, для нее самой эти пути — хорошо забытое старое, а именно: служение диаконисс, имевшее место в первохристианской Церкви.

По мнению матери Софии, «одна из главных проблем Православной Церкви — то, что она предоставляет слишком мало места для особых призваний. Если женщина желает служить Церкви всем своим существом, если она целиком посвящает себя этому, у нее нет выбора. Даже если она этого жаждала, она не

может стать диакониссой. Монашество в миру — это реабилитация диаконии».

Стоит, наверное, напомнить, что обязанности диаконисс (от греч. «служанка») заключались в оказании того рода помощи в христианской общине, которую женщинам проще принять от женщин же: уход и посещение в болезни, помощь священникам при крещении женщин, надзор за входами для женщин в богослужбное собрание и т.д. Диакониссы могли прислуживать в алтаре. В XIX веке на Западе, а в начале XX-го и в России делались попытки возродить служение диаконисс, однако они всякий раз наталкивались на внутрицерковное сопротивление.

Диакония, понятая в широком смысле как служение женщины в миру и оформленная в соответствующий институт, позволила бы избежать многих ненужных споров. Мать София совершенно права, говоря о том, что «мать Ма-

Лето 1932 г. Надпись на фотографии рукой Юрия Скобцова: Мама в первый раз приехала в монашеском виде к нам в Кабризе. Cabris Près Grasse (A[lpes] M[aritimes]). Рукой Софьи Пилленко: Мать Мария.

рия была диакониссой, не будучи рукоположена».

Вот еще эпизод из духовной биографии матери Марии. Между ней и матерями Евдокией (Мещеряковой) и Блантиной (Оболенской), двумя монахинями, помогавшими матери Марии в общении на ул. Лурмель, возникло несогласие. Привязанные к традиционному монашескому уставу, они настаивали на том, чтобы жизнь общежития более соответствовала монашеским принципам в богослужении и молитвенном делании. Мать Мария отвечала на это: «На Страшном Суде меня не спросят, успешно ли я за-

нималась аскетическими упражнениями и сколько я положила земных и поясных поклонов. А спросят, накормила ли я голодного, одела ли я голого, посетила ли больного и заключенного в тюрьме, и только это спросят». Вскоре сестры покинули ул. Лурмель и основали женский Покровский монастырь в Бюси-ан-От.

Кто прав в этом споре? За каждым из спорящих — древняя церковная традиция. Можно ли избежать подобных столкновений? «Я стала монахиней из-за невозможности стать диакониссой», — честно пишет мать София.

Заканчивая статью, хотелось бы сообщить всем почитателям матери Марии, что высшими церковными властями русских приходов Вселенского Патриархата дано благословение на подготовку материалов о матери Марии (Скобцовой) с целью последующего рассмотрения возможности ее канонизации. Труд этот взяла на себя Елена Дмитриевна Аржаковская-Клепинина, которая обращается с просьбой ко всем, кому дорого имя матери Марии, способствовать ей в этом начинании.

АНДРЕЙ ЛЕБЕДЕВ

Париж